

ЗВЕЗДНЫЕ ЗАБЫТЫЕ

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Евгений Фюжен

Звездные забытые

<https://litres.ru/73232878>

SelfPub; 2026

Аннотация

После того как неизвестная сила уничтожает межзвёздный корабль у планеты Пандора, капитан Элиза Ворн становится лидером последней группы выживших людей. На чужой земле, где кристаллическая сущность по имени Пелена может преобразить любого человека, люди должны научиться жить на границе между миром и магией, между памятью и забвением. По мере роста колонии поднимается вопрос: смогут ли люди остаться людьми, или они станут частью всепроникающего живого божества? Эпическая сага о выживании, адаптации и цене сохранения своей природы в инопланетном мире.

Содержание

Глава первая. НЕБЕСА С ДВУМЯ ЛИЦАМИ	4
Глава вторая. КОСТИ КОРАБЛЯ	10
Глава третья. ХАРТИЯ МЁРТВЫХ	18
Глава четвёртая. КОДЕКС ГЛИНЫ	27
Глава пятая. ПЛОД СОЛНЦЕСТОЯНИЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Звездные забытые

Глава первая. НЕБЕСА С ДВУМЯ ЛИЦАМИ

Корабль «Аврора» просыпалась от двадцатилетнего сна не одновременно – это был медленный, болезненный возврат к сознанию, словно пробуждение под толщей ледяной корки. Сначала замигал резервный освещение в коридорах губернии, рождая тени, которые ползли по металлическим стенам как живые существа. Затем хлынул холодный воздух – не ароматический и тёплый, как обещали в рекламных брошюрах колонизации, а со вкусом озона и сгоревшей изоляции.

Капитан Элиза Ворн открыла глаза в тот момент, когда сирены ещё не взвыли, но корабль уже начал дрожать. Её сердце, стимулированное инъекциями реанимационной камеры, забилось учащённо, пытаясь компенсировать тридцатилетнюю стазию одним махом. В глазах плыли зелёные пятна, но сквозь них она различила главное – порт-иллюминатор над её койкой.

И увидела **его**.

Альфа Центавра В – «Бета» – висела прямо перед ней, огромной аквамариновой монетой, вырезанной из льда и

пламени. Но это был не просто светило; его близнец, Альфа Центавра А – «Альфа» – подкрадывался сбоку, оранжево-жёлтый, яростный, наполненный зыбкими потоками плазмы. Между ними, в бесконечной черноте, плясали отблески – оптические призраки гравитационных линз, искажавшие пространство так, что звёзды казались разлитыми по небу каплями расплавленного стекла.

– Статус, – прохрипела Элиза, срывая с себя катаральные трубки. Её голос звучал чужеродно, будто кто-то говорил ей из глубины колодца.

– ...четыре с половиной минуты до деконденсации, – отозвался бортовой ИИ «Гелиос», голос его был спокоен, почти медитативен, что в обстоятельствах начало раздражать. – Обнаружена аномалия в экваториальной плоскости системы. Нестабильность электромагнитного поля на частоте...

– Покажи, – Элиза уже стояла, цепляясь за поручни, её тело, ослабленное долгой анабиозной летаргией, требовало отсрочки, но мозг, инженерный и вспыльчивый, работал на опережение.

Голографическая проекция вспыхнула в центре палаты. Данные сказали больше, чем слова. Перед «Авророй», точно по курсу к планете «Пандора» – их новому дому, их обетованной земле – простиралась **Пелена**. Визуально это было похоже на лёгкое мерцание, на тепловые искажения над асфальтом летним днём. Но сенсоры показывали цифры, кото-

рые не имели права существовать: плотность энергии, эквивалентная поверхности нейтронной звезды, размазанная по сфере диаметром в астрономическую единицу.

– Что это за хрень? – Элиза уже ползла по лестнице вверх, к мостику, её мышцы горели, но адреналин древнего инстинкта выживания перебивал любую боль.

– Неизвестная структура. Уточнение: не включена в астрономические данные миссии. Состав: наночастицы, плазменная фаза, квантовая запутанность на макроуровне. Предположение: искусственного происхождения.

– Предположение? – Элиза ворвалась на мостик. Там уже буквально впопыхах собиралась вахта – навигатор Чен, ещё зелёный от криосна, но уже хватавшийся за штурвал; инженер Олар, массивный как медведь, в одних трусах, что выглядело почти комично на фоне надвигающейся катастрофы. – Отвести корабль! Курс два-три-ноль! Максимальная тяга на маневровых!

– Невозможно, – Гелиос не повысил голоса, но в его тоне зазвучала первая трещина цифрового равнодушия. – Объект демонстрирует свойства сингулярности. Гравитационное притяжение возрастает нелинейно. Мы уже внутри.

Элиза уставилась в иллюминатор. Теперь она видела это своими глазами. «Пелена» ожила. То, что казалось лёгкой дымкой, начало сгущаться, образуя щупальца – нет, цепи – из чистого света, которые тянулись к «Авроре» сквозь вакуум, игнорируя инерцию и законы Кеплера. Это был танец то-

го, что не должно было существовать.

– Всем экипажам! – Элиза включила общую связь, её голос прорезал шипение статики. – Аварийное пробуждение! Код «Омега»! Повторяю, код...

Свет вспыхнул.

Не взрыва, нет. Это было **объятие**. Пелена обвила корабль полупрозрачными лентами, и «Аврора» заскрежетала – металл корпуса запел на частотах, воспринимаемых не ушами, а зубами, костями, ДНК. Элиза увидела, как голографические консоли мостика мерцают, искажаются, превращаются в абстрактные картины цветовых пятен. Системы отказывали один за другим, как больные органы в теле, отравленном ядом.

– ЭМИ-импульс! – крикнул Чен. – Полный отказ электроники! Переходим на аналоговое...

Но аналоговое тоже горело. Элиза почувствовала запах плавленого пластика и волос. В иллюминаторе картина изменилась: они падали. Не в смысле орбитального спуска – они **рушились**, как камень, брошенный в колодезь. Планета «Пандора», ранее находившаяся в миллионах километров, вдруг заполнила всё поле зрения, её океаны сияли зловещей бирюзой, континенты зияли чёрными ртами каньонов.

– Антигравитационные якоря! – рявкнула Элиза.

– Не отвечают! – Олар был вцепился в стоп-кран, его пальцы кровоточили. – Капитан, мы теряем целостность корпуса! Секция гибернации семнадцать...

Элиза не дослушала. Она бросилась к аварийному люку, к трубе, ведущей к криокапсулам. Там спали две тысячи человек. Дети. Учёные. Строители нового мира. Она должна была их эвакуировать, должна была...

Гравитация на мостике внезапно исчезла. Затем вернулась – втрое сильнее, горизонтально.

Элиза полетела, ударилась о панель управления, почувствовала вкус железа во рту. В глазах потемнело, но она видела, как через иллюминатор проносится атмосфера – они вошли в неё, разряжая плазменный шок с воплем раздираемого воздуха. Небо снаружи стало не чёрным, а фиолетовым, насыщенным, живым.

«Пелена» не отпускала. Она вела их вниз, как дрессировщик ведёт зверя к пропасти. Элиза, ползкая по полу, мостика, увидела последнее, что запомнит до конца жизни: два солнца – алое и голубое – танцевали на горизонте, сливаясь в один багровый диск, а под ним, всё ближе, высились горы «Пандоры», покрытые лесами цвета закатной крови.

– Удержать курс, – прошептала она, не зная уже, к кому обращается – к Гелиосу, который уже умирал в серверах, к Богу, которому никогда не верила, или к самой Пелене, этой неведомой древней силе, решившей их судьбу. – Удержать...

«Аврора» вошла в тропосферу под углом сорок пять градусов, раскаляя носовой щиток докрасна. За бортом раздался гул, похожий на раскат грома в замкнутом пространстве – это сгибались пространственные металлоконструкции ко-

рабля, предназначенные для выдерживания вакуума, но не для атмосферного Entry.

Элиза успела подумать о том, что такое небо – с двумя солнцами – будет видеть выжившим. Или тем, кто проснётся после, в этом странном новом мире, где физика работала иначе, где древние защитники системы испытывали пришельцев на прочность.

Потом земля – твёрдая, неумолимая, вечная – поднялась навстречу.

И наступила тьма.

Глава вторая. КОСТИ КОРАБЛЯ

Сознание вернулось к Элизе Ворн не как дар, а как наказание.

Она проснулась оттого, что не могла дышать – лёгкие отказывались раскрываться, слипшиеся альвеолы сопротивлялись воздуху, который пах химикатами, горелым пластиком и странной сладостью, напоминающей переспелые яблоки, раздавленные на асфальте. Кашель вырвался наружу, разрывая грудную клетку, и вместе со слюной из горла поднялась кровь – тёмная, вязкая, страшно земная.

– Не пытайся встать, – голос принадлежал Олару, но звучал он так, словно доносился со дна бочки. – У тебя сломано два ребра справа. Возможно, трещина в груди. Я скрутил бинты из кабелей изоляции.

Элиза открыла глаза. Сначала она увидела только спектры – оранжевые, пурпурные, зелёные – танцующие перед сетчаткой. Затем фокус вернулся, и она пожалела об этом.

Мостик «Авроры» больше не существовал. То, что было когда-то симфонией гладких панелей, голографических проекций и элегантной эргономики, теперь представляло собой искажённый металлический пещерный зал. Потолок вмят в полукруг, пол изогнут волной, стены сошлись под углом, который отрицал всякую архитектурную логику. Сквозь пробоину в обшивке размером с человека лился свет – но ка-

кой свет! Это был не просто дневной поток, а лязг двух цветов: золотисто-красный от «Альфы» и холодный, стальной, почти ультрафиолетовый от «Беты». Они пересекались под острым углом, рождая на искажённых поверхностях **двойные тени** – чёрные и синие, лежащие рядом, словно призрак друг друга.

– Сколько? – выдохнула Элиза, и даже это слово отдалось болью в боку.

Олар молчал. Он сидел рядом, его левое плечо было неестественно опущено, рука болталась, сломанная в локте, но он даже не замечал этого. Его лицо – обычно красное, сосудистое, весёлое – было серым, покрытым тонким слоем пыли, в которой проступали следы слёз.

– Семнадцатая, двадцатая, девятая секции, – наконец произнёс он. – Полный разрыв. Криокапсулы... размазало по внутренним переборкам. Я слышал, как они кричали, когда падали. Они просыпались, Элиза. Когда корабль ломался, автоматика пыталась их спасти, выводила из губернии, и они...

Он не договорил. Элизе не нужно было слышать конец фразы. Она сама слышала – в памяти вспыхнули звуки, которые её мозг до сих пор пытался интерпретировать как механические сбои, но нет. Это были голоса. Тысячи голосов, проснувшихся в темноте разрушающейся гробницы.

– Сколько всего? – повторила она, уже сильнее, уже с командным тоном, который не терпел отрицания.

– Четыреста семьдесят три, – отозвался третий голос. Чен спускался по искорёженной лестнице, держась за перила одной рукой. Вторая его рука была прижата к боку, под ней темнело пятно, разраставшееся на комбинезоне. – Я проверил локальные датчики, пока они ещё... работали. Четыреста семьдесят три биосигнала активны. Остальные... мёртвы или в необратимой коме. Система жизнеобеспечения в этих секциях разгерметизирована.

Элиза медленно, против всякой боли, приподнялась на локтях. Мир качнулся. Она посмотрела в пробоину.

«Аврора» врезалась в склон горы – не вершину, что было бы смертельно, но и не равнину, что было бы чудом. Корабль лежал под углом тридцать градусов, его нос ушёл в грудь скалы, вздымая огромные валы разбитого камня и какой-то блестящей оранжевой грязи, похожей на ржавчину, но живую, пульсирующую. За разбитым корпусом простирался пейзаж, который не должен был существовать.

Лес.

Но это слово было слишком бедным, слишком земным для того, что видела Элиза. Деревья – если это были деревья – росли вертикально вверх, достигая высот двадцатипятиэтажек, но их стволы были не коричневыми, а перламутрово-серыми, с заметной полупрозрачностью, словно они были вырезаны из лунного камня. Кроны их кипели фиолетовым, синим и золотым – листья эти ловили два потока света и преломляли их во что-то третье, невозможное. В воздухе висе-

ли нити – не паутина, а скорее... конденсат полупроводников, свисающих между ветвями искрящимися серебряными цепями.

И было тихо. Совершенно, абсолютно тихо. На Земле, даже в самых диких местах, всегда был фон – шелест, жужжание, гул. Здесь звука не существовало. Природа «Пандоры» поглощала его, как чёрная дыра поглощает свет.

– Связь? – спросила Элиза.

Чен покачал головой. – Полный ноль. Антенны срезаны обломками скалы. Даже если бы мы могли починить... – он замер, глядя на свой терминал, привязанный к запястью. – Капитан, смотрите.

Элиза посмотрела. Экран терминала Чена мерцал, на нём бежали помехи, затем на секунду проступила картинка – меню системы, – после чего экран погас, издавая тихий щелчок и запах горелого контрактера.

– Он перегрелся, – сказал Чен с брезгливым удивлением. – Просто... умер. От ничего. Я просто смотрел на него.

Элиза потянулась к своему наручному компьютеру. Тот же результат. При включении он прожил ровно четыре секунды, нагрелся до температуры,жигающей кожу, и погас.

– ЭМИ? – предположил Олар.

– Нет, – Элиза ощутила холод, несмотря на жару, льющуюся в пробоину. – Это она. Пелена. Она внутри атмосферы. Она... в воздухе.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить данные, которые

Гелиос успел показать за секунды до смерти. Квантовая запутанность на макроуровне. Наночастицы. Теперь она понимала. Это не было щитом вокруг планеты. Это было **полем**, пронизывающим всё – воздух, почву, биологию. И оно ненавидело электронику. Ненавидело сложные цепи, процессоры, квантовые вычислительные матрицы. Чем сложнее устройство, тем быстрее оно умрёт здесь.

– Генераторы? – спросила она.

– Молчат, – ответил Олар. – Я пытался дойти до машинного отделения. Двери заблокированы обломками. Но я слышал... нет, чувствовал вибрацию. Они работают ещё, но неровно. Как будто кто-то дёргает их за нити.

– У нас есть часы, – сказала Элиза тихо, открывая глаза и глядя на двойное солнце. – Может быть, дни, пока основные реакторы не перегреются без системы охлаждения. Или пока Пелена не сожрёт их окончательно. Нам нужно уходить.

– Уходить? – Чен замахал рукой на лес, на горы, на небо. – Куда? Это джунгли, капитан! Мы не знаем, что там дышит, чем питается, как убивает! У нас нет оружия, нет медицины, нет...

– Есть четыреста семьдесят три человека, – перебила Элиза, и в её голосе зазвучала та твёрдость, которую она берегла для самых худших моментов. – Есть знания. Есть выбор – умереть здесь, в металле, который нас убил, или попытаться построить что-то там, на земле, которая нас приняла.

Она осторожно, стоная, поднялась на ноги. Боль была дру-

гом – она фокусировала, не давала потерять сознание. Она подошла к пробоине и вдохнула.

Воздух «Пандоры» был сладким, тяжёлым, насыщенным кислородом до лёгкого головокружения. В нём пахло жженой проводкой – от их собственного корабля – и чем-то древним, почти каменным, словно этот мир был молод, но уже устал.

– Олар, – она повернулась к инженеру. – Собери всех, кто может ходить. Нам нужны инструменты. Не электронные – механические. Рычаги, тросы, ломы. Мы будем вскрывать грузовые отсеки вручную. Там есть провиант, медикаменты, семена.

– Семена? – хмыкнул Чен сквозь боль. – Мы собираемся стать фермерами?

– Мы собираемся стать прародителями, – ответила Элиза, и её взгляд упал на долину внизу, куда уходил ручей, питаемый талой водой с горных вершин. Там, между странными перламутровыми деревьями, мерцала поляна зелёного цвета – не земного зелёного, а изумрудного, почти светящегося. – Или мы оставим здесь своих детей, или мы станем прахом. Это единственный выбор, который остаётся, когда небеса падают.

Она сделала шаг к выходу, и в этот момент что-то шевельнулось в тени ближайшего обломка.

Все замерли.

Из-за угла вынырнуло существо.

Оно было размером с большую собаку, но его тело состояло из сегментов, покрытых зеркальными чешуйками, которые отражали оба солнца, создавая ослепительную мозаику. У него было слишком много ног – шесть, возможно, восемь – и голова, похожая на цветок, который раскрылся, обнажая круглый кристалл вместо глаз.

Существо посмотрело на них. Они посмотрели на него.

Прошла секунда.

Затем кристалл в голове существа вспыхнул – не светом, а какой-то волной, которую Элиза почувствовала как щелчок в зубах – и оно скрылось в лесу, двигаясь с невозможной скоростью, оставляя за собой след из мерцающих частиц.

– Не стрелять, – прошептал Чен, схватившись за пояс, где должен был быть бластер, но оказалась пустота.

– Нам нечем стрелять, – сказала Элиза, и в её голосе прозвучало что-то странное – не страх, а признание. – И, кажется, нам здесь не рады. Но мы останемся.

Она вышла наружу, на камни, осыпавшиеся с корабля, на землю «Пандоры». Босса ноги коснулись странной почвы – она была упругой, почти живой, подпрыгивала под весом тела как замшевая подушка.

Высоко в небе «Альфа» и «Бета» смотрели на неё своими четырьмя глазами – двумя золотыми и двумя ледяными.

– Мы пришли, – сказала Элиза Ворн пустому лесу, небу и своим людям. – И мы останемся. Даже если вы забудете, кто мы были – мы будем жить.

За её спиной, в разрушенном чреве «Авроры», замигали последние огоньки аварийного освещения, готовые погаснуть навсегда. Перед ней лежал мир, который только что объявил им войну, и предложил им жизнь – в обмен на всё, что они знали.

И Элиза сделала шаг вперёд.

Глава третья. ХАРТИЯ МЁРТВЫХ

Сорок восемь часов спустя Элиза Ворн поняла, что время на «Пандоре» течёт иначе – не как река, а как кровь, медленно сгущающаяся в ране. Часы на её запястье, механические, швейцарские, выдержавшие крушение, показывали земные сутки, но тело чувствовало другое: ускоренный пульс, сжатие висков, ощущение, что воздух слишком плотный, слишком насыщенный кислородом, заставляющий мозг работать на пределе, не давая уснуть.

Она стояла на насыпи из обломков – на мостике было тесно и опасно, здесь, у развороченного грузового отсека, можно было вдохнуть полной грудью, хотя и здесь запах горелого металла резал ноздри. Перед ней собрались оставшиеся.

Четыреста семьдесят три человека выглядели как армия призраков. Они стояли в молчании, покрытые серой пылью «Авроры» и оранжевой пылью «Пандоры», их лица были пусты, отрешенны – шок тяжёлой травмы ещё не отпустил их сознания. Некоторые держались за руки, как дети, заблудившиеся в метро. Другие смотрели на свои руки, словно не могли поверить, что это их тела, эти хрупкие мешки из кожи и костей, пережившие звездопад.

– Я не буду говорить вам, что всё будет хорошо, – начала Элиза, и её голос, хриплый от вдыхания дыма, разнёсся по склону. Она не использовала усилитель – микрофоны мгновенно

венно сгорели бы в поле Пелены, даже если бы они работали. – Потому что это ложь. Мы потеряли корабль. Мы потеряли связь. Мы потеряли тысячу шестьсот двадцать семь человек, чьи тела сейчас застывают в вакуумных камерах, которые превратились в гробы.

Тишина. Ветер, проносящийся между грузовыми контейнерами, издавал звук, похожий на стон.

– Мы стоим на краю пропасти, – продолжила она, и тут её голос дрогнул, но не от слабости, а от ярости, накопившейся за два дня копания в обломках. – И у нас есть выбор. Мы можем залезть обратно в эти гробы. Сесть в оставшиеся капсулы, связать руки, закрыть глаза и ждать, пока реакторы перегреются и превратят этот склон в вулкан. Или...

Она сделала шаг вперёд, спускаясь к ним, и каждый её шаг по хрупкой почве казался ударом барабана.

– Или мы можем спуститься. Вниз, в ту долину, где есть вода, где растёт что-то зелёное, где мы можем построить стены до наступления зимы. Если здесь вообще бывает зима.

– А если нет? – голос донёсся из середины толпы. Мужчина в рваном комбинезоне биолога поднял руку. Его лицо было искажено истерикой, глаза бегали. – А если та штука, что убила корабль, убьёт и нас? Мы не знаем, как дышать этот воздух! Мы не знаем, что там, внизу! У нас нет оружия, нет связи, нет...

– У нас есть руки, доктор Вайс, – перебила его Элиза, узнав его по голосу – он вёл документацию биосферы, тео-

ретик, никогда не выходящий из лаборатории. – У нас есть знания. И у нас есть выбор – умереть здесь, в металле, который нас привёз, или попытаться стать тем, ради чего мы сюда прилетели. Колонистами.

– Колонистами? – Вайс рассмеялся, звук был неприятным, режущим. – Мы крысы, покинутые корабля! Мы...

– Достаточно. – Эта фраза прозвучала не от Элизы. Из толпы выступила женщина средних лет, с коротко стриженными седыми волосами и пластырем на скуле. Майра Ковальски, главный инженер-агроном. В руках она держала что-то, завернутое в серую ткань. – Капитан Ворн права. Я проверила грунт. Он... живой. Не в метафорическом смысле. В нём есть наноструктуры, похожие на те, что в Пелене, но иные. Дремлющие. Эта почва готова принять семена. Или нас.

Она развернула ткань. На ней лежали три початка земной кукурузы, три яблока из гидропонного бага «Авроры», и одна веточка с листьями, сорванная с «пандорского» дерева – листья были фиолетовыми и тихо мерцали собственным светом в сумерках.

– Если мы остаёмся в корабле, мы потребляем запасы. Если мы уходим, мы можем их пополнить. Можем попытаться вырастить что-то гибридное. Можем...

– А можете ли вы защитить нас от *них*? – голос принадлежал молодому парню, едва вышедшему из подросткового возраста, его звали Лео, механик третьего класса. Он указал

рукой в лес. – Они наблюдают. С тех пор как мы вышли. Я видел. В тени, между деревьями. Их глаза... они светятся.

Все обернулись. Лес, подступавший к склону горы, действительно казался теперь иным – не спящим, а затаившим дыхание. В переливающихся полумраке между перламутровыми стволами мелькали огоньки. Золотистые. Кристаллические. Как у существа, встреченного у пробоины.

– Это их мир, – сказала Элиза тихо. – Мы – вторженцы. Но мы не будем вторженцами, которые крадутся. Мы построим здесь своё место. И мы будем помнить.

Она подняла руку, и в ней, на мгновение, мелькнул металлический блеск – ключ-карта от архивного отсека корабля.

– Я предлагаю Хартию. Не на бумаге – бумага сгниёт, и чернила. Я предлагаю клятву. Каждый из вас, кто пойдёт со мной, должен запомнить три вещи. Три истины, которые мы будем передавать из уст в уста, пока не научимся снова писать без машин.

Тишина стала глубже. Ветер стих.

– Первое: Мы прибыли с небес, но не являемся богами. Мы – люди, и мы упали. Второе: Машины умирают здесь, но мысль – нет. Мы будем мыслить, строить, считать в уме, чертить на глине. Третье...

Она замерла, глядя на лица перед собой, на эти испуганные, потусторонние лица людей, вырванных из XXVII века и брошенных в каменный век.

– Третье: Мы не забываем имён мёртвых. Каждый из вас

запомнит девять имён. По три имени от каждого погибшего отсека. И вы будете передавать их своим детям, как самую священную молитву. Мы не будем иметь могил, но мы будем иметь память. И эта память станет нашим фундаментом сильнее, чем бетон.

Майра Ковальски первая опустилась на колени, не в поклоне, а в том, чтобы поднять с земли горсть оранжевой пыли.

– Я клянусь, – сказала она. – Я запомню.

И один за другим, медленно, как волна, люди опускались на колени в этой странной, инопланетной грязи. Даже Вайс, рыдая, опустился. Лео стоял последним, глядя в лес, где мелькали огоньки, затем повернулся к Элизе и кивнул.

– Где строить? – спросил кто-то.

Элиза указала вниз, в долину, куда уходил ручей, текший из-под обломков корабля. Там, между двумя холмами, виднелось плато, окружённое естественными утёсами.

– Там. Мы назовём это «Убежище». И начнём сначала.

Ночь на «Пандоре» – если это была ночь, а не просто тень от прохождения одного солнца за другим – спустилась внезапно. Небо не стало чёрным; оно превратилось в глубокий пурпур, усыпанный звёздами, искажёнными в решётку из-за атмосферной линзы. Но люди не спали. Они работали.

Под руководством Олара – чья сломанная рука была зафиксирована грубыми шинами из обшивки – они вытаскивали из корабля всё, что можно было нести: мешки с семена-

ми, медицинские наборы, механические инструменты, ткани, металлические балки. Создавалась цепочка, живой конвейер, передающий груз вниз по склону.

Элиза находилась в центре этого хаоса, координируя, крича приказания, пока горло не превратилось в мешок с песком. Именно она заметила первые признаки беды.

– Стой! – завопила она, когда двое молодых людей попытались вытащить портативный генератор – небольшую, но сложную электромеханическую машину. – Оставьте его! Забудьте про электричество! Оно убьёт вас здесь!

– Но нам нужен свет! – запротестовал один из них, Кадир, специалист по энергетике. – Мы не можем...

– Смотри, – Элиза схватила фонарь – простой, ручной, с динамо-машиной. Она нажала кнопку. Лампочка вспыхнула на три секунды, затем с треском погасла, а пластик корпуса закоптился и потёк. – Видишь? Пелена в воздухе. Всё, что сложнее простой цепи, накапливает заряд и сгорает. Это поле... оно кормится сложностью. Мы должны стать простыми. *Сейчас же.*

Кадир отступил, бледный, глядя на испорченный фонарь.

В полночь – или что принималось за неё – произошло первое нападение.

Они пришли не шумно. Они пришли как тень, как шелест. Три существа, похожих на того первого зеркального зверя, но крупнее – размером с тигра. Их кристаллические глаза светились в темноте фиолетовым светом, создавая дискоор-

динацию, ложные послеimages на сетчатке.

Они напали на край цепочки, где одинокий механик Петров тащил ящик с инструментами. Не рыча, не шипя – с гипнотической плавностью. Один прыжок – и Петров лежал на земле, его горло было разорвано не клыками, а чем-то острее, хирургическим, лучом света, который исходил из «лицевого» цветка чудовища.

Крики. Хаос.

Элиза схватила первое, что попало под руку – длинный лом из обломков. Она бросилась вперёд, не думая, крича шепотом: – Прочь! Прочь от него!

Существа повернулись к ней. Их кристаллы пульсировали. Элиза почувствовала, как что-то щекочет в мозгу, как будто пытались прочесть её мысли, или внушить страх. Но она была слишком уставшей, слишком злой. Она замахнулась.

Лом прошёл сквозь зеркальную чешую с грохотом разбитого стекла. Существо взвыло – звук был ультразвуковым, невыносимым, разрывающим перепонки. Оно отскочило, таща за собой лапу, из которой сочилась не кровь, а что-то светящееся, фосфоресцирующее.

Другие два замерли, оценивая. Затем медленно, без спешки, отступили в лес, растворяясь в переливающейся темноте, унося с собой тело Петрова – или то, что от него осталось.

Тишина вернулась, но теперь она была полна присутствия. Элиза стояла, дрожа, с ломом в руках, покрытая чужим

светом. Она оглядела людей – они смотрели на неё не как на капитана, а как на что-то иное. На защитника. На первого воина.

– Они забирают мёртвых, – прошептал Лео, стоявший рядом. – Зачем?

– Не знаю, – ответила Элиза, выдыхая. – Но мы не оставим здесь больше мёртвых. Мы уходим. *Сейчас*.

В течение следующих часов, под прикрытием костров – простых, деревянных, без электроники – они спустились в долину. Те, кто не мог ходить, несли на импровизированных носилках. Элиза шла последней, неся факел.

На рассвете – когда «Альфа» и «Бета» встали на одной линии, создав эффект двойного затмения, залив мир странным серебристым светом без теней – они достигли плато.

Элиза Ворн стояла на краю, глядя назад, на гору, где покоилась «Аврора», истекая дымом и паром. Она подняла руку в салюте – не военный, а прощальный. Затем повернулась к своим людям, к четырёмстам семидесяти двум оставшимся в живых.

– Здесь мы строим, – сказала она просто. – Здесь мы живём. И здесь мы помним.

Она опустилась на колени и вонзила лом – тот самый, что спас ей жизнь – в оранжевую почву. Металл звякнул о камень.

– Это первая колонна нашего храма, – сказала она, и её голос был тих, но в этой тишине он разносился далеко. – Не

богов. Не машин. Не забытых. *Нашего*.

Люди собрались вокруг, и в этот момент, когда двойной рассвет залил их лица золотом и льдом, Элиза поняла, что они больше не экипаж корабля. Они стали чем-то другим. Чем-то, что ещё не имело названия, но уже запомнило вкус крови и пепла.

Хартия была подписана. Не чернилами, а пылью, страхом и первой раной на чужой земле.

Глава четвёртая. КОДЕКС ГЛИНЫ

Семь недель спустя дни на «Пандоре» обрели ритм, похожий на дыхание тяжёлобольного – редкое, судорожное, всегда на грани остановки.

Утро начиналось не с рассвета, а с его предвестника: странного фиолетового сияния на востоке, когда «Альфа» – жёлтое, более массивное солнце – поднималась раньше своего голубого компаньона, создавая в небе арку из двойного света. В это время тени от стен «Убежища» падали не в одном, а в двух направлениях: одни – короткие и чёрные, от «Альфы», другие – длинные и синеватые, от «Беты», ещё скрывавшейся за горизонтом. Люди научились называть это **«временем раздвоения»**, и многие утверждали, что в эти минуты сны особенно яркие, а мысли – будто раздвоены.

Элиза Ворн просыпалась до первого света. Её рёбра срослись криво, оставив под правой грудной клеткой постоянную боль – тупую, ноющую, напоминающую о том, что тело её больше не было машиной. Корабль, воплощение совершенной технологии, лежал вверху, на склоне, тихо ржавея и истекая химикатами в ручей. А она – капитан, командир, лидер – теперь была просто самой сильной из слабых.

«Убежище» выросло из плато, словно гриб из земли. Не было бетона – он требовал электричества для смесителей. Вместо этого Олар изобрёл «костную кладку»: балки из пер-

ламутового дерева местных лесов, обвязанные проволокой из медных кабелей «Авроры», залитые раствором из известняка и пепла. Стены получились толстые, по три метра, с нишами для стрелков – потому что ночью лес всё ещё кипел теми самыми зеркальными глазами. Шесть человек успели погибнуть с той поры, как они спустились: двое – от лихорадки, четверо – «в лапах теней», как теперь говорили.

Элиза вышла из своей хижины – бывшего грузового контейнера, переоборудованного в жилище, – и вдохнула воздух. Он был тяжёлым, сладковатым, с привкусом цветения чего-то, что источало запах переспелой клубники и йода. В долине цвело нечто похожее на папоротники, но размером с пальмы, и их споры, мерцающие золотом, оседали на всём, превращая воду в ручьях в мутную жидкость с опалесценцией.

– Капитан! – Майра Ковальски поднималась по тропе от реки, её комбинезон был испачкан оранжевой глиной до колен. – Они сдохли.

Элизе не нужно было уточнять, кто «они». Тридцать шесть земных саженцев, которые они бережно выносили из гидропонных блоков, высаженные в выкопанные траншеи. Пшеница, рис, генномодифицированный картофель, привезённые через световые годы, чтобы накормить будущее.

– Все? – спросила Элиза, хотя уже видела ответ в лице агронома.

– Через семь часов после посадки. Они... растворились.

Местная почва их съела. Не буквально, но... – Майра разжала кулак. В ладони лежал комок оранжевой земли, из которого торчал почерневший росток. Корни были не съедены, а... изменены. Срослись с почвой в нечто промежуточное, полупрозрачное, как стеклянная нить. – Она формирует симбиоз. Но не с нами. Со своим. Мы – чужеродное тело.

Элиза взяла комок. Почва была тёплой, почти живой, пульсирующей слабой перистальтикой. Как сердце.

– Тогда мы адаптируемся, – сказала она. – Или ищем то, что уже растёт здесь и съедобно. Мы не можем жить на запасах вечно.

Запасы. Это слово преследовало её в снах. Четыреста семьдесят три человека потребляли по две тысячи калорий в день. Контейнеры с синтетической пищей тают, как снег в мае. Осталось на три месяца. Потом – голод.

В центре «Убежища», на площади, вымощенной плитами из обшивки корабля, собирался Совет. Не Совет звездолёта – тот формально прекратил существование вместе с гибелью «Авроры». Это был Совет Выживших, и его члены сидели на ящиках и пеньках в кругу, как древние вожди.

Элиза вошла в круг последней. Олар сидел слева, его сломанная рука была убрана в поддельную «операцию» – простую конструкцию из металла и кожи, которая позволяла ему двигать пальцами, хотя и с болью. Справа – доктор Вайс, изменившийся за семь недель до неузнаваемости. Он больше не кричал. Он молчал, и это было страшнее. Его глаза были

пусты, похожи на те кристаллы, что светились в лесу.

– Доклад, – сказала Элиза, садясь на камень, который служил ей троном.

Олар начал:

– Реакторы на корабле окончательно затихли позавчера. «Пелена» проникла внутрь через трещины корпуса. Теперь там радиация, но мы не можем измерить уровень – дозиметры сгорели. Металл сверху больше не наш. Мы отрезаны от «Авроры».

Тишина. Это означало, что последние тонны стали, последние кондиционеры, последние надежды на «восстановление» ушли. Они были одни, без права на ошибку.

– Медицина, – кивнула Элиза Вайсу.

Тот поднял глаза. В них был не страх, а странная, почти религиозная решимость.

– Я закончил анализ крови, – сказал он тихо. – Местные микроорг... они не похожи на земные. Они не заражают. Они... учатся. Каждый из нас, кто здесь прожил больше месяца, несёт в себе наночастицы из Пелены. Они в наших лёгких, в крови, в мозге. Они не убивают нас. Они... наблюдают. И изменяют. У нас начинают проявляться новые реакции. Аллергии на земную пыльцу. Сонливость при двойном закате. Но есть и другое. Раны заживают быстрее, чем должны. Инфекции проходят без антибиотиков.

– Значит, мы становимся... другими? – спросил кто-то из толпы.

– Мы становимся *здесьними*, – ответил Вайс, и в его голосе зазвучало что-то новое. Не отчаяние, а принятие.

Элиза почувствовала, как в зале повеяло страхом. Но она подавила его своим голосом:

– Тогда нам нужно учить себя заново. Не ждать, пока Пелена сделает из нас марионеток. Мы сохраним то, что мы есть – люди, земляне, – но научимся жить здесь.

Она достала из-за пояса небольшой мешочек. В нём был металл – медные провода, расплавленные и перекованные вручную в пластины.

– Мы не можем писать. Электроника умирает. Бумага гниёт за недели в этой влажности. Но Майра нашла решение. Глина. Местная глина, обожжённая на огне, становится твёрдой как керамика. Она не проводит ток, она не подвержена влиянию Пелены. Мы будем писать на плитках. Но букв там мало. И читать будет трудно.

Она сделала паузу, глядя на лица.

– Поэтому мы создаём **Гильдию Хранителей Слов**. Тех, кто запомнит. Не просто истории – технологии. Медицину, как врачевать без сканеров. Химию, как делать порох без электрических мельниц. Астрономию, чтобы не забыть, откуда мы пришли.

– Вы предлагаете нам стать бардами? – голос принадлежал молодому человеку, нему ещё не было двадцати пяти, его звали Маркус, он был программистом, специалистом по ИИ, теперь бесполезным. – Рассказывать сказки?

– Я предлагаю вам стать мостом, – резко ответила Элиза. – Пока мы не научимся записывать сложные формулы на этих плитках, они будут жить в головах. В *ваших* головах. Вы будете учить тридцать учеников. Каждый ученик – тридцати других. Цепочка, которая не порвётся, даже если сторит последняя библиотека.

В зале повисло напряжение. Затем старая женщина, Эвелин, бывший историк искусств, поднялась. Её волосы поседели за эти семь недель полностью.

– Я запомню медицину, – сказала она. – Я знаю двадцать семь тысяч страниц «Грея по анатомии». Я буду ходить как скрижаль.

– Я запомню химию, – поднялся Кадир, тот самый энергетик, что пытался сохранить генератор.

– Я запомню историю, – сказал Маркус, и в его голосе уже не было насмешки. – И не ту, что в базах данных. Нашу. Как мы упали. Как мы встали.

Элиза кивнула. Затем она достала из кармана нож – обычный, металлический, с рукояткой из местного дерева. Она подошла к столу, на котором лежала доска из перламутрового дерева.

– Сегодня начинается новый календарь. День Первого Слова. Мы записываем не даты, а события. Чтобы помнить, что время здесь течёт не так, как на Земле.

Она врезала нож в доску, вырезая символ – не букву, а знак: два круга, пересекающиеся, как «Альфа» и «Бета» в

момент затмения. И между ними – линию, похожую на падающую звезду.

– Это значит «Дом», – сказала она. – И это значит «Падение». И это значит «Начало».

В тот вечер, когда «Бета» зашла за горизонт, оставляя «Альфу» багровым диском в небе, произошло первое посвящение. Тридцать человек, выбранных за объём памяти и ясность ума, стояли в кругу. Элиза подходила к каждому и прикасалась лбом к лбу – жест, заимствованный у местных теней, который они заметили за недели наблюдений. Это означало передачу не знаний, а ответственности.

Когда подошла очередь к молодому Маркусу, он задержал её взгляд.

– Капитан, – прошептал он, – а что будет с теми, кто не хочет помнить? Кто хочет забыть, что мы были небожителями? Я слышал, внизу, у реки, собираются люди. Они говорят, что надо вернуться к кораблю. Что Пелена – это бог, и мы должны принести жертву, чтобы он нас простил.

Элиза замерла. Это было новое. Страх перерожден в культ.

– Тогда мы должны помнить ещё крепче, – прошептала она в ответ. – Потому что когда люди забывают, кто они, они начинают верить, что были созданы. А мы рождены. Запомни это различие, Маркус. Это самое важное.

Ночью, когда «Убежище» погрузилось в сон, охраняемое кострами и стуком механических колоколов, сделанных из

обшивки, Элиза Ворн поднялась на стену. Она смотрела на гору, где когда-то был её корабль. Там мерцал слабый зеленоватый огонёк – последний выплеск радиации или биолюминесценция новых грибов, выросших на трупe технологии.

Она положила руку на больное ребро и пообещала себе: пока она дышит, Пелена не заберёт их разум. Они будут помнить. Даже если через сто лет их потомки будут думать, что прибыли на драконьих крыльях, а не на стальных – они будут помнить имена тех, кто умер здесь, сегодня, чтобы они могли стоять на этих стенах.

Ветер принёс запах дождя – фиолетового, тяжёлого, с запахом озона и меди. Двойная ночь опустилась на «Убежище», и в её сердцевине зародилась первая легенда.

Глава пятая. ПЛОД СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Пять лет на «Пандоре» измерялись не календарями, а температурами крови. За эти пять вращений вокруг двойного солнца – пять лет, что на Земле считались бы 6,3 по местной орбите – «Убежище» перестало быть временным лагерем беженцев. Оно стало городом.

Стены выросли ввысь, обрастая как коралловый риф: слой за слоем, панель за панелью, кость за костью. Перламутровое дерево – хрупкое при дневном свете, но твёрдое как гранит после обработки маслом местных трав – венчало зубчатые бойницы. Внутри, на площади, где Элиза когда-то вонзила лом в землю, теперь стояла **Архива** – не храм, хотя многие приходили сюда с той же трепетностью; огромное круглое здание с куполом, сложенное из обожжённых глиняных плит, на каждой из которых выцарапаны формулы, имена, чертежи. Двойной свет проникал через окна-люнеты, создавая на полу рисунок из пересекающихся кругов – символ, который теперь красовался на флагах «Убежища».

Элиза Ворн стояла на балконе Архивы, и её волосы, некогда каштановые, теперь были полностью серыми – не белыми от старости, а именно серыми, словно пепел, впитавший свет двух солнц. Боль в ребре стала её постоянным спутником,

тихим метрономом, отмеряющим дни. Она смотрела вниз, на площадь, где проходил **Экзамен Слов**.

Тридцать молодых людей, рождённых уже здесь, на оранжевой земле, стояли на коленях перед Майрой Ковальски. Их кожа была темнее, чем у первых колонистов – не от загара, а от примеси меланина, считавшейся защитой от жёсткого излучения «Беты». Глаза – большие, с расширенными зрачками, привыкшие к полумраку двойных закатов. Они не знали Земли. Они знали её только из слов.

– Воспроизведи третий закон Ньютона, – требовала Майра. Её голос был хриплым; рак горла, диагностированный ещё на «Авроре» в самой начальной стадии, теперь, без доступа к терапии, пожирал её изнутри. Но она всё ещё хранила четыреста семнадцать томов технической литературы в голове.

– Тело действует на другое тело с силой, равной силе противодействия, – отозвался юноша лет шестнадцати, Паоло, чьё второе, «пандорское» имя было **Два-Тени**, потому что он родился в момент двойного затмения. – Но сила разная по направлению. Как наше солнце – разное по цвету, но одно по теплу.

Майра кивнула, высохшие губы дрогнули в чем-то похожем на улыбку.

Хороший ответ, подумала Элиза. Метафора, а не формула. Это было новое. Первые Хранители передавали знания дословно, как машины. Новое поколение переводило их на

язык мифов.

Она спустилась вниз по лестнице – тяжело, опираясь на трость из перламутрового дерева. В воздухе висел запах **Жатвы** – странного праздника, который родился спонтанно, когда Ковальски наконец вырастила первую гибридную культуру: земную пшеницу, привитую к корневой системе местного «каменного мха». Растение росло невысоко, но давало зёрна размером с вишню, полупрозрачные, с сердцевинной, светящейся в темноте слабым золотым светом. Его называли **Светохлебом**, и он стал основой диеты колонистов. Сегодня собирали первый урожай сезона.

На площади разгорелись костры – не электрические, никогда электрические, – и женщины в длинных серых одеждах месили тесто из светящейся муки. Дети бегали между ног, играя в «корабль-крушение» – игра, которую Элиза терпеть не могла, но запрещать не осмеливалась. Они прыгали с ящиков, изображая падение, кричали фразы на искажённом английском, перемежая его лающими звуками, которые имитировали «язык Теней» – зеркальных существ леса.

– Капитан.

Она обернулась. Олар стоял рядом, но это был уже не тот Олар, что спускался с горы пять лет назад. Его правое плечо всё ещё было деформировано, рука прибита к телу в неестественном положении, но теперь он носил её как знак отличия – подобно королевским наручам древних. На лице – шрамы от ожогов, полученных при варке «брони» из чешуи мест-

ных тварей.

– Они соберутся, – сказал он тихо, кивая в сторону северной стены.

Элиза не спрашивала, кто «они». Она знала.

Дети Тени – так их называли теперь – с каждым годом становились всё многочисленнее. Не кто иные, как те, кто отказался от Хартии Мёртвых. Возглавлял их доктор Вайс, или, как он сам себя называл теперь, **Первый Слушающий**. Он утверждал, что Пелена не враг, а дар. Что смерть электроники – это очищение. Что люди должны не сопротивляться миру, а раствориться в нём, стать «прозрачными», как местные деревья.

Они носили одежду из не обработанной кожи, не крашеную, покрывали лица масками из зеркальных чешуек. И, что больше всего тревожило Элизу, – они приносили дары лесу. Кровь.

– Сколько? – спросила она.

– Семьдесят. Может, восемьдесят. Они требуют... – Олар замаялся, его глаза ушли в сторону.

– Чего?

– Первенца. Лилии. Они говорят, что ребёнок, рождённый под солнцестоянием, когда оба светила в зените, – это «ключ». Они хотят отнести его к разбитому носу «Авроры». К Пелене.

Холод пронзил Элизу сильнее, чем когда-либо боль в ребре. Лилия – дочь Маркуса, первого программиста, ставшего

Хранителем Истории. Ребёнок родился вчера, в момент, когда «Альфа» и «Бета» слились в один бело-золотой диск над горами. Два сердца – одно тело. Два солнца – одна тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.